

backlash, flip-flop); 4) совершать действие над тем, что названо исходным существительным (*nosh, trash*); 5) быть тем, кто назван исходной основой, выполнять действия, характерные для того, кто назван исходной основой (*camp², chair, honcho, temp, wimp; mau-mau, nine-to-five*).

Отношения существительных, образованных по модели **V→N**, представлены 3 семантическими группами: 1) событие, факт, явление, процесс или случай проявления того, что выражено исходным глаголом (*blow-dry, crash, plea-bargain, pull, rehash, relaunch, remortgage, rerun, rush-release, stir-fry, stop-and-search*); 2) объект или результат действия (*blow, dub, rip-and-read, tie-dye*); 3) орудие или средство действия (*remit, search-and-destroy*).

Существительные, образованные по модели **Phrasal Verbs → N**, характеризуются более разнообразными значениями. Выделено 5 семантических групп: 1) событие, факт, явление, процесс или случай проявления того, что выражено исходным фразовым глаголом (*buyout, fly-by, print-out, putdown, readout, rip-off, set-up, shoot'em-up, stand-by*); 2) исполнителя или объекта действия, обозначенного исходным фразовым глаголом (*drop-out, fly-over, gross-out, hang-up, phone-in, sell-out, take-away, takeout, tie-in, write-in*); 3) результат действия, обозначенного исходным фразовым глаголом (*cop-out, fallout, feedback, knock-off, meltdown, spin-off, start-up, stitch-up*); 4) значение состояния (*bring-down, flashback, freak-out, wind-up*); 5) место действия (*rave-up, takeaway, takeout*).

Отглагольные существительные образуют 3 семантические группы: 1) наименования лиц по разным признакам (*extra-terrestrial, multinational, nine-to-five, paramilitary*); 2) названия медицинских препаратов (*additive*); 3) термины (*aspirational, clean, collectible, floptical, luggable, portable*).

В моделях **N→A** и **Phrases→A** отношения между исходной основой и производным словом представлены типовым значением «характерный, свойственный тому, на что указывает основа» (*advocacy, airhead, betamax, blaxploitation, cowboy, footprint, granny, hatchback, nelly, pointy-head; all-in-one, fly-by-wire, kiss-and-tell, oven-to-table*).

Итак, исходные основы, участвующие в образовании производных по конверсии слов, имеют различную морфологическую структуру, что свидетельствует о расширении словообразовательной базы конверсии в современном английском языке. Отмечены случаи усечений, телескопии, обратного словообразования, сокращенных слов, которые в дальнейшем выступают производящей базой новых производных. Это языковое явление можно объяснить такими причинами, как упрощение сочетаемости с другими деривационными элементами, обеспечение лаконичности строения плана выражения слова, благозвучия, экспрессивности и запоминаемости слова.

Исходные основы имеют также разнообразную семантику, что находит свое отражение в сложном характере взаимоотношений между дериватором и дериватом. Изучение типов словообразовательного значения позволяет выявить характер взаимодействия производящей основы и производного слова, определить сущность словообразовательного значения и формы его выражения, а также выявить общие прототипические черты, которые стоят за конкретными лексическими единицами.

Источники и литература

1. Андрусак І. В. Англійські неологізми кінця ХХ століття як складова мовної картини світу. – Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2003.
2. Волошин Ю. К. Новоеобразование и собственно неологизмы современного английского языка (опыт дифференциации новых слов): Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – М., 1971.
3. Гак В. Г. О современной французской неологии / В кн.: Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-52.
4. Єнікєєва С. М. Формування та функціонування нових словотворчих елементів англійської мови: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Запоріжжя, 1999.
5. Жлуктенко Ю. А. Английские неологизмы / Отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. – К.: Наукова думка, 1983.
6. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989.
7. Защный Ю. А. Неологизмы английской мови 80-90 років ХХ століття. – Запоріжжя: РА «Тандем-У», 1997.
8. Защный Ю. А. Развитие словарного склада сучасної англійської мови. – Запоріжжя: Запорізький держ. ун-т, 1998.
9. Иванов А. Н. Лексическая номинация как деятельность // Функционирование и развитие лексической системы английского языка: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1983. – Вып. 212. – С. 72-82.
10. Иванов А. Н. Английская неология (проблемы лексико-номинативной активности) // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1984. – Вып. 227. – С. 3-6.
11. Клименко О. Л. Поповнення словникового складу сучасної англійської мови з нелітературних підсистем: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Запоріжжя, 1999.
12. Колобашкина Е. В. Интегративные механизмы в словообразовании английского языка (на материале новых слов): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – М., 1987.
13. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н.З.Котелова. – Л.: Наука, 1978. – С. 5 – 26.
14. Мороховский А. Н. Слово и предложение в истории английского языка. – Киев: Вища школа, 1980.
15. Стилистика английского языка: Учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З.В.Тимошенко / под ред. А.А.Гусак. – К.: Вища шк., 1991.
16. Янков А. В. Соціально-політичні неологізми та оказіоналізми в американському варіанті англійської мови: структура – семантика – функціонування. – Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Львів, 2004.
17. Защный Ю. А. Англо-русский словарь новых слов и словосочетаний (рубеж столетий). – Запоріжжя: ЗГУ, 2000.
18. Словарь новых слов / Грин Джонатан. – М.: Вече, Персей, 1996.
19. Словарь новых слов и значений в английском языке / З.С. Трофимова. – М.: ПАВЛИН, 1993.

Кошман И. Н.

УКРАИНСКОЕ ВКРАПЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Целью данного сообщения является определение функций, выполняемых украинскими вкраплениями в политическом тексте. Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные под рубриками «Власть», «Наш регион» и «События» в луганском областном общественно-политическом еженедельнике «Молодогвардеец» в апреле-июне 2007 года.

Одной из наиболее активных современных тенденций, присущих русской речи Украины как особой форме существования языка, является включение украинских элементов разных типов. Для обозначения явлений такого рода в лингвистике используется термин «иноязычные вкрапления». Эти элементы «не принадлежат, подобно

заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [1, с. 61].

В языковедческих работах, опубликованных в последнее десятилетие, отмечается, что на стыке нескольких дисциплин (стилистики, социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики) формируется новое направление – политическая лингвистика. Активно разрабатывается научный аппарат этой дисциплины, определяется ее место в системе гуманитарных наук, формулируются цели и предлагаются различные методики исследования.

А. П. Чудинов пишет о том, что основной целью политической лингвистики является «исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности» [2, с. 7]. Феномены, исследуемые в сфере политической лингвистики, объединяются тематически – они отражают самые разнообразные стороны существующей в обществе борьбы за власть [2, с. 34; 3, с. 23; 4, с. 11].

Политическая деятельность носит главным образом вербальный характер. Язык, функционирующий в сфере политики, представляет собой одну из разновидностей профессионального подязыка, являющегося частью национального языка [2, с. 32; 3, с. 20].

Определение политического языка как специального языка, обслуживающего политическую сферу, обуславливает особенности в реализации языковых функций. Отличительной чертой политического языка является то, что среди общезыковых функций на первое место выдвигается апеллятивная функция – связанная с воздействием на адресата. Специфической же функцией политического языка является инструментальная – «его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение)» [3, с. 34].

Субъекты политической деятельности принадлежат к разным идеологическим лагерям, реализуют различные стратегии и тактики, представляют собственные толкования процессов, происходящих в обществе, и выражают свое отношение к ним. Все это обуславливает языковые отличия, присущие любой политической силе. Таким образом, политическая сфера – это сфера «политической полифонии», языкового многоголосия субъектов политической деятельности [5, с. 167].

Одно из ключевых понятий, используемых в сфере политической лингвистики, – это понятие «политический текст». А. Г. Алтунян определяет политический текст как «такой текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории» [4, с. 11].

Анализируемые тексты объединяются общей темой. Все они посвящены политической ситуации, сложившейся в городе и области: называются те или иные процессы, описываются актуальные для городской общины события, оценивается деятельность местных политиков.

Одним из основных действующих лиц в статьях является «местная элита». Местная элита, «*это сплошь и рядом бывшие комсомольцы, пересевшие в 91-м под другие флаги, но не изменившие стиля мышления и психологию поведения*», «*ребятки-комсомолытки*» и «*жирующие партийно-комсомольские секретари*», которые умею лишь «*съезды проводить и решения судов стряпать*» и «*пустозвонить*».

Коммуникативная цель в данном случае состоит в том, чтобы представить критическое, не совпадающее с официальным, осмысление сложившейся ситуации и деятельности представителей местной власти.

Для достижения этой цели авторами статьи реализуется модель «разоблачение». Обращается внимание адресата на негативные для жителей последствия деятельности представителей местной элиты. Правда, «разоблачения» лишены рациональной аргументации. Журналисты, как правило, не анализируют конкретные действия местных политиков, приводя факты и показывая результаты этих действий (для общества и для самого политика). Аргументацию, основанную на фактах, заменяет обличительный пафос, некорректные аргументы и апелляции к чувствам и эмоциям адресата. Все это и обуславливает особую эмоциональную и оценочную напряженность текста.

В число средств, создающих особый ореол текста, входят и украинские вкрапления. Авторы включают в рассуждение украинские компоненты разных типов.

Выделяется группа украинских вкраплений, которые выполняют в тексте номинативную функцию:

(1) *Любому уму, даже не знающему азов юриспруденции, понятно, что это – нонсенс. Это все равно, что громада начнет отменять решения мэра по поводу незаконных, по их мнению, строительств.*

Словоформа *громада* в данном случае употребляется в значении «жители определенной территории». Такое значение у данной единицы в толковом словаре не зафиксировано [6, с. 199]. Таким образом, в этом случае отмечается расширение лексического значения.

(2) *Напомним, что на первом съезде в 2004-м орава оголтелых сепаратистов пыталась расколоть Украину и создать ПИСУАР – Південно-Східну Українську Автономну Республіку.*

В этом случае украинское вкрапление «расшифровывает» аббревиатуру. Неофициальная аббревиатура *ПИСУАР* является стилистически маркированной. Резко отрицательная оценка возникает в результате столкновения представлений о том, какими должны быть именованные административных единиц, и ассоциаций с бытовым предметом.

Более многочисленную группу составляют украинские вкрапления, выполняющие экспрессивную функцию. Эти единицы, наряду с иными, участвуют в формировании особого эмоционального тона статей. В этой группе можно выделить несколько разновидностей.

Прежде всего, обращают на себя внимание стилистически маркированные словоформы, стилистическое значение которых фиксируется толковым словарем:

(1) *Менталитет схидняков изначально ориентирован на «сильную руку» – наши люди с большим удовольствием (или обреченностью) отработают три смены в шахте, нежели предаются размышлениям о завтрашнем дне.*

«Межъязыковой мутант» *схидняков* используются как неофициальная номинация жителей Восточной Украины. Лексема *схидняк* зафиксирована в толковом словаре: ее значение описывается как ‘житель восточных областей Украины’. Данная единица стилистически маркирована – имеет помету разговорное [6, с. 1222].

(2) *Или в самую пору вступить в маргинальную «Донецкую республику» пана Цуркана?*

Словоформа *пан* в этом случае употребляется иронично, для обозначения человека, не пользующегося уважением и вызывающего неодобрение [6, с. 701]. С ее помощью журналист выражает негативное отношение не только к лицу, но и к деятельности этого лица.

(3) *Но ничего – судья, до того выносящий приговоры камбродским срывателям шапок, тышком-нышком, ночью удовлетворил иск господина Ефремова против Президента и лег в больницу. С инфарктом...; Зачастую все делалось «тышком-нышком», без всякой огласки и любого внимания карманной прессы.*

Словоформа *тышком-нышком* оценивается толковым словарем как разговорная. В этом случае реализуется значение ‘тайно, незаметно, украдкой’ [6, с. 1249]. Кроме этого, эта словоформа в данных контекстах формирует негативную оценку ситуации, которую она определяет.

В тексты статей также включаются украинские вкрапления, которые толковый словарь определяет как стилистически нейтральные. Попадая в русский контекст, такие словоформы «приобретают» стилистически маркированные контекстуальные значения, которые создают общий стилистический фон:

(1) *Но лично я не припомню, чтобы такой ватажок «делал погоду» в целом регионе.*

У словоформы *ватажок* толковый словарь выделяет три значения [6, с. 76]. В данном контексте реализуется значение ‘руководитель’. Столкновение разноязычных словоформ обуславливает ироническое осмысление словоформы.

(2) *Естественно, не теряются на фоне их трех-, четырехуровневых хатынок и особнячки бывших руководителей области.*

В данном контексте украинское вкрапление представляет собой антифразис: уменьшительно-ласкательный дериват *хатынка* употребляется в противоположном словарному значении. Толковый словарь фиксирует у словоформы *хатынка* значение ‘небольшая или старая хата’ [6, с. 1340]. В представленных контекстах слово подвергается ироническому переосмыслению и приобретает значение ‘большой, современный дом’. Сочетание разноязычных элементов еще более усиливает отрицательную оценку.

(3) *Такое существование в мире грез и мешает бывшим «батькам» области взглянуть правде в глаза.*

У словоформы *батько* толковый словарь выделяет пять значений [6, с. 39]. В контексте статьи эта словоформа употребляется иронически. Сниженное осмысление этой словоформы обуславливает появление в семантической структуре словоформы *батько* смысла ‘неспособный руководитель’. Столкновение разноязычных единиц еще более усиливает иронию.

(4) *Теперь украинцев не проведешь и не заманишь пустыми общианками, а тем более завуалированными призывами отстаивать в бою честь той или иной политической силы.*

В этом случае, прежде всего, обращает на себя внимание форма украинского вкрапления. *Общианка* – своеобразный «межъязыковой мутант». Необычная форма привлекает внимание и тем самым повышает экспрессивность высказывания. Вкрапление *общианки* отсылает адресата к украинской поговорке *общианка – цицянка, а дурневі – радість*. Ассоциации актуализируют смысл ‘привлекательные, но пустые обещания’.

Кроме того, украинское вкрапление замещает компонент *обещания* в устойчивом выражении *пустые обещания*. Такая замена усиливает отрицательную оценку, выражаемую конструкцией.

(5) *Его [Виктора Тихонова] попросту нет ни в телевизоре, ни в газетах. Даже теряемся в догадках, может человек, не приведи господи, где-то славно загинал в помаранчевом Киеве, а ему на малой родине даже почестей не воздали?*

Украинская конструкция в этом случае является средством выражения резко отрицательной оценки – сарказма. В этом случае подвергается дискредитации и оппонент, и его политическая деятельность.

Чрезвычайно выразительны в русских контекстах украинские вкрапления, представляющие собой прецедентные тексты. Источником всех зафиксированных в описываемых статьях прецедентных конструкций является политический дискурс:

(1) *Все правильно – когда Партия регионов обещала «покращення», она же не уточняла кому!; Ну и поделом им – год прошел после выборов, а покращення нашего життя не наблюдается даже на горизонте, да и спросить не с кого; Они уверены, что, несмотря на год с гаком безделья и смуты, предательства и интриг, они снова выйдут к нам с открытыми честными глазами и скажут: ну, ребята, в этом квартале покращення життя не получилось, но зато в следующем...; Так может, не будем опять наступать на «грабли пассионариев»? Дабы снова не испытывать горечь победы от отсутствия «покращення життя».*

Этот прецедентный текст самый частотный. Украинские вкрапления в данных случаях представляют собой часть предвыборного слогана «Партии регионов» (кампания 2006 года). Журналисты используют «чужие слова» для смыслового углубления контекста. Употребление в актуальном контексте рекламного лозунга приводит к «взаимодействию контекстов» [7, с. 331]. Оно порождает новые смыслы – ‘невыполнение обещанного’, ‘обман’. «Чужие слова» придадут высказыванию ироническую окраску.

(2) *Большинство ответов были очевидными – луганчане не собираются ни с кем воевать, отстаивая чьи-либо интересы с оружием в руках. «Тому що» политиков не любят вне зависимости от того, за кого они голосовали, депутатов не уважают, считая, что проживут и без них.*

Украинское вкрапление используется в своем прямом значении – для связи главного предложения с придаточным причины [6, с. 1255]. Вместе с тем оно содержит намек. Союз *тому що* – часть рекламного девиза (президентская кампания 2004 года). «Взаимодействие контекстов» в этом случае используется для выражения насмешки, сарказма.

(3) *На сайте Луганского облсовета появились две новые статьи Валерия Голенко и его любого друга одиозного российского политика...*

Клише *любі друзі* появилось в СМИ в 2005 году. Его значение можно определить как 'бизнесмены в близком окружении президента В. Ющенко'. Это клише имеет негативную стилистическую окраску. В данном контексте, обозначая представителя противоположного политического лагеря, клише тем не менее «переносит» на него отрицательную оценку.

Во всех описываемых случаях украинские вкрапления являются «сигналом» адресату – о том, что он «свой», и находится с адресантом в одном коммуникативном пространстве.

Таким образом, включение в политический текст украинских элементов порождает ряд смысловых и стилистических эффектов. Они повышают выразительность текста и усиливают его воздействие на адресата. Чаще всего украинские элементы используются для выражения сниженных значений, что подтверждает неоднократно высказываемое положение о преобладании негативных оценок в современных публицистических текстах. Частотность употребления украинских вкраплений свидетельствует о поиске новых форм выразительности и формировании нестандартного стилистического приема.

Литература

1. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
4. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
5. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151–239.
6. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002. – 1440 с.
7. Солганик Г. Я. Свой текст – чужой текст // Словарь и культура русской речи. – М.: Индрик, 2001. – С. 327–343.

Красовская О. В.

СУДЕБНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Одним из актуальных аспектов коммуникативно-прагматической лингвистики является жанровый аспект. В его рамках исследуются разнообразные коммуникативные сферы, создаются типологии выявленных в них речевых жанров, разрабатывается жанроведческая теория (см., например: [6; 7; 8]). Актуальность указанной проблематики связана с рядом причин, главными из которых являются: общая направленность современного языкознания «на анализ речи в прагматическом аспекте» [3, с. 4], а также большое социально-практическое значение вопроса жанрового разграничения речи [9, с. 43].

В этой статье, продолжая изучать судебную коммуникацию, мы анализируем жанровую организацию судебного разбирательства по гражданским делам.

Не имея возможности дать здесь подробное теоретическое осмысление понятия речевой жанр (см., например: [4; 10, с. 72–78; 17]), отметим только, что под речевым жанром мы – вслед за Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, М. Ю. Федосюком и нек. др. исследователями – понимаем устойчивые типы как монологических, так и диалогических текстов (ср. анализ концепции речевого жанра Т. В. Шмелевой в работе: [13, с. 32]).

Итак, в каких жанрах реализуется судебная коммуникация? Каковы особенности их текстового воплощения?

1. Судебное разбирательство – это объемная и потому многожанровая коммуникативная ситуация (в иной терминологии – сложное речевое событие), именуемая сложной жанровой структурой.

Судебный процесс представляет собой макродиалог, который разворачивается по зафиксированному в законе жанровому сценарию. По своей целеориентированности судебный диалог в целом носит исследовательский характер, так как направлен на выяснение истины в правовом конфликте. Однако на отдельных участках судебного диалога могут также решаться некоторые частные задачи: например, допрос свидетеля имеет познавательное значение; при заключении мирового соглашения сторонами диалог направлен на регулирование между ними межличностных отношений; непродолжительные диалогические отрезки могут носить эмоционально-фатический характер (использованную нами схему жанров диалогического общения см. в работе Н. Д. Арутюновой: [1, с. 52–56]).

Законодательные требования к процессуальным жанрам изложены с разной степенью конкретности: для одних жанров устанавливается тематическая специализация (например, для разъяснения участникам процесса их прав), для других – только жанровый план (так, допрос свидетеля начинается с предложения суда рассказать все, что ему лично известно по делу, после чего первым задает вопросы лицо, по заявлению которого вызван свидетель, а затем другие лица, участвующие в деле), для третьих – шаблонная структура (например, доклад судьи должен перейти в микродиалог, в котором судья выясняет, «поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца и не желают ли стороны заключить мировое соглашение либо обратиться для разрешения спора в третейский суд»).

Судебная коммуникация реализуется преимущественно в малых жанрах (микродиалогах и непродолжительных репликах), которые группируются вокруг той или иной процессуальной стадии (так называемой «коммуникативной темы», см.: [13, с. 43]) и быстро сменяют друг друга. Ср. протекание стадии объявления состава суда и разъяснения права его отвода (С. – судья, Скр. – секретарь, И. – истец, ПИ. – представитель истцы, О. – ответчик):

С. ...Объявляется состав суда. Судья Чубкина, секретарь Тимошкина, запись процесса осуществляет помощник судьи Харитоновна. Разъясняется право на отвод судье, секретарю, помощнику по мотивам заинтересованности в деле, родственных отношений, а также другим основаниям, которые дают вам право сомневаться в объективности суда. Есть отводы? Истец.

И. Да. У меня отводы судье и секретарю.

С. По каким мотивам?